

О.А. Кузнецова
д. ю. н., профессор
Пермского государственного университета

**Языковое оформление термина «общепризнанные
принципы и нормы международного права» во
внутреннем законодательстве России**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в
рамках научно-исследовательского проекта № 08-03-00011а*

А.А. Ушаков, один из основателей отечественной законодательной стилистики, доказал, что язык законов должен быть точным, доступным, ясным, непротиворечивым, соответствовать признакам законодательной стилистической языковой нормы. Мысль законодателя по тому или иному вопросу должна соответствовать нормативной форме её выражения. ««Муки» законодателя состоят в органическом единении законодательной мысли и слова с тем, чтобы оно стало доступным пониманию советских граждан», писал А.А. Ушаков в 1967 г.¹

«Мысль законодателя» как правовая идея приобретает обязывающий характер через законодательство, которое А.А. Ушаков обоснованно назвал законодательным произведением, законодательной литературой.² С учетом этого обстоятельства можно ставить вопрос о языке законодательного акта, который должен подчиняться лингвистическим требованиям и нормам.

Законодательные акты, как и всякие другие литературные произведения, должны представлять законченное целое. Главное требование цельности законодательного произведения – единство и последовательность использования терминологии. Они же во многом определяют точность и доступность языка нормативного документа.

К сожалению, современный российский законодатель нередко пренебрегает этими требованиями. Продемонстрируем это на примере использования в российском законодательстве термина «общепризнанные принципы и нормы международного права».

Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) провозгласила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются частью российской правовой системы. Впоследствии это положение в той или иной степени «трансформировалось» в отраслевые кодифицированные акты, нарушая требования единообразного и последовательного использования одного и того же понятия.

Так, Гражданский кодекс РФ содержит ст. 7 «Гражданское законодательство и нормы международного права», которая закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью её правовой системы; международные договоры РФ применяются к гражданским правоотношениям непосредственно, кроме случаев, когда из

международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта; и если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора. В Трудовом кодексе РФ имеется ст. 10 с аналогичным названием (что по логическим и лингвистическим нормам предполагает аналогичное содержание), однако с частично не совпадающим содержанием: в отличие от ГК РФ не упоминающая о том, что «международные договоры Российской Федерации применяются к трудовым отношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта».

В Семейном кодексе РФ закреплена ст. 6, которая также имеет аналогичное название «Семейное законодательство и нормы международного права», но при этом не содержит упоминаний об общепризнанных принципах и нормах международного права, а лишь указывает на приоритет применения международных договоров: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора». Таким же образом сформулирована ст. 9 Жилищного кодекса РФ «Жилищное законодательство и нормы международного права»: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные пра-

вила, чем те, которые предусмотрены жилищным законодательством, применяются правила международного договора».

Ст. 4 Бюджетного кодекса РФ, имеющая такое же название – «Бюджетное законодательство Российской Федерации и нормы международного права», включает такую же коллизионную норму (разрешающую противоречие между международным договором и бюджетным законодательством), но при этом еще и положение о том, что международные договоры Российской Федерации применяются к бюджетным правоотношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта.

Несмотря на то, что Конституция включила общепризнанные принципы и нормы международного права в российскую правовую систему в целом, ряд кодексов вообще не содержит упоминаний о них. При этом они содержат статьи о международных договорах РФ. Так, ст. 3 Воздушного кодекса РФ называется «Международные договоры Российской Федерации» и закрепляет соответствующую коллизионную норму, разрешающую противоречие между кодексом и международным договором РФ.

Ст. 7 Налогового кодекса РФ, содержащая аналогичную коллизионную норму, имеет несколько иное название «*Действие международных договоров по вопросам налогообложения*» (здесь и далее выделено мной. – *О.К.*). При этом вводит новое,

отличающееся от положений Конституции РФ, словосочетание «правила и нормы международных договоров»: «Если международным договором Российской Федерации, содержащим положения, касающиеся налогообложения и сборов, установлены иные правила и нормы, чем предусмотренные настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами о налогах и (или) сборах, то применяются правила и нормы международных договоров Российской Федерации».

Аналогичное со статьей Налогового кодекса РФ название у ст. 8 Таможенного кодекса РФ «Действие международных договоров Российской Федерации в области таможенного дела», но при этом у статей далеко не аналогичное содержание. В Таможенном кодексе РФ, несмотря на заявленное название, в указанной статье упоминается о включении в правовую систему РФ общепризнанных принципов и норм международного права (п. 1 ст. 8). Кроме этого, содержится полностью дублирующая конституционное положение коллизионная норма, разрешающая противоречие между международными договорами РФ и Таможенным кодексом (п. 2 ст. 8).

В отличие от Налогового кодекса РФ и Таможенного кодекса РФ в Земельном кодексе РФ соответствующая статья называется «*Применение* международных договоров Российской Федерации», в которой появляется отсутствующая как в Конституции РФ, так и в других кодексах ссылка на необходимость ратифицирования международного договора: «Если международ-

ным договором Российской Федерации, *ратифицированным в установленном порядке*, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Кодексом, применяются правила международного договора».

Некоторые российские кодексы закрепляют лишь положение о том, что соответствующее законодательство основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. В ст. 1 Уголовного кодекса РФ закреплено, что «настоящий кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». В Кодексе об административных правонарушениях РФ отмечается, что он основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации. В отличие от Уголовного кодекса РФ Кодекс об административных правонарушениях РФ содержит также коллизионную норму, разрешающую противоречие между международными договорами РФ и законодательством об административных правонарушениях (ст. 1.1. КоАП РФ). В Уголовно-исполнительном кодексе РФ предусмотрено, что *уголовно-исполнительное законодательство РФ практика его применения* основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего челове-

ское достоинство обращения с осужденным, и также) как КоАП РФ, содержит коллизионную норму, разрешающую противоречие между международными договорами РФ и уголовно-исполнительным законодательством (ст. 3 УИК РФ).

Часть 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ объявляет общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью *законодательства* Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержится и коллизионная норма, разрешающая противоречие между международными договорами Российской Федерации и самим *кодексом*. Другие процессуальные кодексы - гражданский процессуальный и арбитражный процессуальный - упоминаний об общепризнанных принципах и нормах международного права не содержат вообще, но содержат соответствующие коллизионные нормы, касающиеся международных договоров РФ (п. 3 ст. 3 АПК РФ, п. 2 ст. 1 ГПК РФ).

В свою очередь Кодекс внутреннего водного транспорта РФ, содержащий множество ссылок на международные договоры, вообще не упоминает ни общепризнанные принципы и нормы международного права, ни правила разрешения коллизий между международными договорами РФ и кодексом.

Такое многообразие языковых способов оформления конституционного термина «общепризнанные принципы и нормы международного права» в отраслевых актах вызывает недоуме-

ние и логически просто необъяснимо. В одних кодексах почти дословно дублируется ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, хотя Конституция и так является актом прямого, непосредственного действия. В других это положение Конституции «переписывается» лишь частично (только в части международных договоров РФ, без упоминаний об общепризнанных принципах и нормах международного права). В-третьих, положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ явно искажается и общепризнанные принципы и нормы международного права объявляются не частью российской правовой системы, а частью соответствующего законодательства.

В-четвертых, провозглашается, что соответствующие кодексы «основываются» на общепризнанных принципах и нормах международного права, но при этом остается непонятным, что понимается под таким «основанием». В-пятых, вообще не упоминаются ни общепризнанные принципы и нормы международного права, ни коллизионные правила разрешения противоречий между внутригосударственными актами международными договорами РФ.

При отраслевом законодательном закреплении мы видим два основных нарушения правил законодательной стилистики. Во-первых, невыдержанность и разноречивость в используемой терминологии. Во-вторых, языковое излишество - дублирование конституционной нормы прямого действия во множестве других нормативных актов, одна и та же мысль законодателя искусственно «втиснута» в различные языковые формы. По справедливости

вому замечанию А.А. Ушакова, «этот языковой брак можно объяснить лишь торопливостью, недостаточно вдумчивым отношением к каждому использованному для выражения мысли слову».³

Литература:

1. Ушаков А.А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М., 2008. С. 275.
2. См.: Там же. С. 123.
3. См.: Там же. С. 208.